

Глава 13

КНЯЖЕСКИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Есть много общего в судьбе Владимиро-суздальской области и Галицко-волынской. Обе эти области рано обособились от Киевского государства. Обе эти области постепенно укрепляют свое торговое значение и богатства. В обеих этих областях вырастает сильное боярство, с которым вступает в победоносную борьбу княжеская власть.

Галицкие князья Роман и Даниил упорно борются с самодержавием боярства, заключившего союзы с польскими князьями и венгерскими королями, и на время возрождают широкие задачи общерусской политики. Князь Роман берет в свои руки оборону южной Руси от половцев; впоследствии Даниил стремится противостоять татарам. Этим объясняется необыкновенная популярность этих двух князей в народе.

Владимиро и Ярослав в Галичине, а затем Роман и Даниил в Галичине и на Волыни ищут утвердить свой авторитет, идейно обосновать свои политические притязания. Эти стремления галицких князей во всем подобны стремлениям князей Владимира Залесского. Не случайно искусство Галича и Владимира Волынского имеет своим ближайшим аналогом искусство Владимира Залесского. Органическому и широкому развитию при Андрее Боголюбском больших княжеских сооружений дворцового типа предшествует подобный же процесс в Галицком княжестве, где уже в 1152 г. существовал большой княжеский

¹ Повесть 1409 г., Симеоновск. лет., 1409 г.

замковый ансамбль с придворным храмом, переходами, лестничной башней — „сенями“ и т. д.¹

Вот почему и летописание Галицкого княжества, так же как и летописание Владимира Залесского, целиком подчиняется задачам пропаганды сильной княжеской власти, идейному обоснованию борьбы с боярством и прославлению личности князя.

1

Как выяснено Л. В. Черепниным, первая часть галицково-волынской летописи, читающаяся сейчас в Ипатьевской летописи сразу вслед за киевской (начиная с 1201 г.), может быть с полным правом названа „Летописцем Даниила Галицкого“.² Летописец этот носит резко своеобразную форму: это жизнеописание, ведущееся в форме своеобразного, ничем не связанного повествования.

Замечательно, что в нем не было обязательной для большинства летописей хронологической канвы, не было, за редкими исключениями, дат описываемых событий. Указания „в лето 6712“ или „в лето 6713“ и т. д. были вставлены значительно позднее, повидимому, составителем Ипатьевского списка, так как в сходных с Ипатьевским Хлебниковском и других списках даты эти отсутствуют. Насколько неловко были расставлены впоследствии даты событий, видно из следующих примеров, где датировка явно нарушает связность повествования. Так, например, фраза „в лета же Данила и Василька беаху володимьрьскыи пискупе...“ разорвана и обесмыслена вставкой даты: „в лето 6731 Данила и Василька Романовичю

¹ Н. Н. Воронин. „Памятники Владимиро-суздальского владения“, М., 1945, стр. 45 и 46.

² Л. В. Черепнин. „Летописец Даниила Галицкого“, Исторические записки, № 12, М., 1941, стр. 228 и след. Выводами этого исследования, а также исследования акад. А. С. Орлова „К вопросу об Ипатьевской летописи“, Известия Отдел. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. XXXI, 1926, в основном пользуюсь в этой главе.

беаху володимирьскыи пискупе“. Грамматическая конструкция фразы нарушается позднейшей вставкой дат и в других случаях, например, в рассказе о литовском посольстве, прибывшем к Даниилу Романовичу: „... Данилови же приехавшю в Володимерь, в лето 6722 бысть тишина, в лето 6723 божиим повелением прислаша князи литовьскыи к великой княгини...“ Ясно, что отмеченные нами разрядкой слова представляют собою неловкую вставку в первоначально цельный и связный текст.

Сами даты, вставляемые позднейшим летописцем, не заслуживают доверия. Первая же дата галицко-волынских известий представляет собою неверный домысел позднейшего летописца. В самом деле, галицко-волынское летописание, первую часть которого составляло рассматриваемое жизнеописание Даниила Галицкого, было механически присоединено к Киевскому своду 1200 г. Последнею датою Киевского свода был 1200 г., поэтому в качестве следующей даты составитель Ипатьевского списка, не раздумывая, поставил 1201 г., обозначив им смерть Романа Галицкого. Между тем, польские источники называют иную, на этот раз совершенно точную, дату смерти Романа — 19 июня 1205 г.¹ Как можно думать на основании внимательного анализа текста, первоначальная последовательность рассказа устанавливалась исключительно связующими фразами вроде следующих: „времени же минувши“,² „по тех же летех“,³ „мало же времени минувшю“⁴ и т. д. Жизнеописатель то забежал вперед в своем рассказе, то упоминал о событиях более ранних, не разбивая свое повествование никакими хронологическими рамками.

Необходимость такого цельного рассказа, в котором действие подчинялось бы исключительно внутренней логике развития событий и не следовало бы внешнему принципу хроно-

¹ М. Грушевский. „Хронологія подій Галицько-волинської літописи“, Записки Науков. товари. ім. Шевченка, т. ХІ, кн. ІІІ, Львів, 1901, стр. 7.

² Ипатьевск. лет., 1209, стр. 1260 г.

³ Там же, 1231 г.

⁴ Там же, 1234 г.

логической разбивки, непосредственно заявлена автором жизнеописания. Заимствуя свои слова из переводного компилятивного хронографа, автор пишет: „хронографу же нужна есть писати все и вся бышая, овогда же писати в передняя, овогда же выступати в задняя: чьтый мудрый же разумееть; число же летомь zde не писахом“.¹ В этой своеобразной литературной декларации прямо говорится о необходимости отступать от обычной летописной регистрации событий по годам.

Таким образом, перед нами не столько летописец, сколько историческое повествование более связного типа. Автор называет свое произведение „хронографом“, и, действительно, литературная манера автора теснее всего примыкает к типу византийских хронографов, связно описывавших истории царствований византийских императоров.

Что же представляло собой жизнеописание Даниила Романовича Галицкого, как композиционно-цельное литературное произведение?

Жизнеописание Даниила Галицкого целиком посвящено прославлению его самого и его дела.

Отец Даниила — Роман был храбрым воином. Сам Даниил был „дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на немь порока“.² Даниил „спешаше и тосняшеся на войну“, стремился углубиться в землю врага и обогатиться полоном и добычей. Его деяния сравниваются с деяниями Святослава Храброго и Владимира Святого.³ Даниил был первым русским князем, половевавшим „Землю чешскую“; никто, кроме Владимира Святого, не входил „толь глубоко“ в Польскую землю. Он „измлада“ не давал себе покоя в борьбе с внешними врагами Руси — поляками, венграми, чехами, литовцами, ятвягами. Его войско одним своим видом вызывало удивление иноземцев: „беша бо кони в личинах и в коярех [попонах] кожаных, и людье во ярыцех [латах], и бе полков его светлость велика,

¹ Ипатьевск. лет., 1254 г.

² Там же, 1224 г.

³ Там же, 1254 г.

от оружия блистающая. Сам же [Даниил] еха подля короля [венгерского] по обычаю руску: бе бо конь под нимъ дивленю подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы, и сабля златом украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожих же оловира грецького [греческой шелковой ткани], и круживы златыми плоскими ошит, и сапозы зеленого хъза [кожи] шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся...¹ Описание войска, „соколов-стрельцов“, блестящего оружия русских не раз встречается в жизнеописании Даниила. „Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солицю восходящую, копиемъ же их дръжащим в руках яко тръсти мнози, стрельцемъ же оба пол [по обеим сторонам] идущим и держащим в руках рожаници [луки] свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне сядящу и вое рядящу“.² В таких необычно приподнятых красках описывает автор галицкую пехоту с едущим впереди нее Даниилом.

Автор жизнеописания подробно следит за деятельностью своего князя, дает развернутые картины его строительства, всюду подчеркивает любовь к нему населения. Жители Галича устремляются к Даниилу „яко дети ко отцю [отцу], яко пчелы к матце, жажущи воды ко источнику“, они называют его „держатель наш, богом данный“.³

Подробно приводит автор воинские речи Даниила, полные высокого рыцарского представления о чести воина и чести родины, многие из которых представляют собою прекрасные образцы ораторского искусства.⁴ Автор следит за ратными

¹ Там же, 1252 г.

² Там же, 1251 г.

³ Там же, 1235 г.

⁴ Например, речь Даниила, обращенная им к своим оробевшим союзникам полякам: „почто ужасываете? не весте ли, яко война без падших мертвых не бывает? Не весте ли, яко на мужи на ратные наши [пришли] есте, а не на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чудо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрепите сердца ваша и подвигнете оружие свое на ратнее“ (Ипатьевск. лет., 1254 г.). Или под 1234 г.: „подобает воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пасти ся от ратных...“ и т. д.

подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается он на волосок от смерти. В сражении на Калке Даниил в пылу битвы „не чуял“ на себе ран, и только вода, которую он выпил, заставила его почувствовать их боль. Другой раз конь вынес его из смертельной опасности, конец вражеского меча успел отхватить кусок шерсти на „стегне“ у его коня.

С особенною любовью отмечает автор судьбу боевых коней Даниила. Мстислав подарил юноше Даниилу „конь свой борзый сивый“.¹ Спустя 11 лет Мстислав вновь дарит Даниилу своего борзого коня Актаза,² „акого же в та лета не бысть“. Конь этот был застрелен под Даниилом с крепостных стен при осаде Чарторыйска в 1227 г. Сменивший его гнедой конь Даниила был застрелен под ним в лютой сечи 1234 г. у Торческа.

Как в личном летописце Мономаха, жизнеописание Даниила описывает не только его ратные труды, но ведет счет и его „трудом“ на „ловех“ (охотах): „едущу же ему до Грубешева, и уби вепрев шесть, а сам же уби и рогатиною 3, а три отроци его“.³ Автор описывает ощущения Даниила в битве, его беспокойства, его радости. Автор скорбит об унижении Даниила в ханской ставке,⁴ радуется его успехам, отмечает его болезни⁵ и т. д.

В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет

¹ Ипатьевск. лет., 1213 г.

² „Акта“ по-тюркски означает „мерин“.

³ Там же, 1255 г.

⁴ „О злее зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Киевом и Володимером и Галичем, со братом си, инеми странами: ныне седить на колену и холопом называється, и дани хотять, живота не чають и грозы приходять. О злая честь Татарская! Его же отець бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на ине страны все, сын того не прия чести, то иный кто может прияти?“ (Ипатьевск. лет., 1250 г.).

⁵ Ипатьевск. лет., 1254 г.

„льстивым“, он „лукавый льстец“, его язык „лжею питаешься“ и т. д.

Устами Даниила автор проклинает Жирослава в самых патетических выражениях: „проклят ты буди, стоня и трясыся на земли... да не будеть ему пристанька во всих землях, в руских и во угорьских [венгерских], и ни в ких же странах, да ходить шатайся во странах, желание брашна [еды] да будеть ему, вина же и олу поскуду да будеть ему, и да будеть двор его пуст и в селе его не будеть живущаго...“¹

Автор сатирически изображает бояр. У льстивого боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы.² Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были сдать Галич Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с ослабленными лицами, облизывая губы.³ Автор описывает как подлые заговорщики, „сидя в думе“ и совещаюсь, как бы убить Даниила, были испуганы его братом Васильком. Василько вышел к ним и обнажил на одного из слуг „мечь свой играя“, а у другого вырвал щит.

Заговорщики, решив, что они открыты, бежали, подобно Святополку Окаянному.⁴

Автор описывает как бояре оскорбляли Даниила, как один из них на пиру выплеснул чашу вина в лицо Даниилу и т. д. Желчи, гнева, сатирических красок хватило бы у автора на изображение боярских крамол эпохи Грозного.

Таким образом, автор жизнеописания Даниила ставил себе задачи прославления Даниила, пропаганды сильной княжеской власти и необходимости борьбы с боярством.

В отличие от Владимиро-суздальского летописания, стиль жизнеописания Даниила целиком светский, в нем нет ничего

¹ Там же, 1226 г.

² Там же, 1229 г.

³ Там же, 1235 г.

⁴ Там же, 1240 г.

церковного.¹ Во всяком случае церковного в нем не больше, чем это было в обиходе дружинного окружения князя. „В галицком повествовании, — пишет акад. А. С. Орлов, — постоянно чувствуется образованный литератор, дипломат и воинственный дружинник, любящий звон и бряцание оружия, придворный и своего рода «рыцарь», который понимал историю как цепь войн и мятежей“.²

Автор жизнеописания Даниила Галицкого — это скорее всего начитанный дружинник, соединяющий в своих писаниях приемы дружинной поэзии с формулами светской воинской повести и переводных хронографов.

Автор пользуется песнями об отце Даниила — Романе, упоминает „песнь славну“, которую пели Даниилу и Васильку, вернувшимся из далекого похода на ятвягов.³ Отзвуки какой-то половецкой песни на тему о любви к родине содержит самое начало жизнеописания. Поэтической темой этой песни пленялись впоследствии не раз русские поэты. Владимир Мономах, который пил золотым шлемом из Дона, захватил всю половецкую страну и изгнал половецкого хана Отрока в Абхазию за Железные ворота. Брат Отрока Сырчан остался у Дона „рыбою оживъшу“. Когда Мономах умер, Сырчан послал своего „гудца“ Оря в Абхазию к Отроку призвать его на родину. Но Отрок, прижившийся на чужбине, не захотел вернуться, не прельстили его и половецкие песни. Тогда Орь дал ему понюхать тразы „евшая“ (полынь). Запах этой степной травы напомнил Отроку родину, он заплакал и сказал „луче есть ва свой земле костью лечи, нели на чюже славну быти“.⁴ И возвратился в свою страну; от него же и родился Кончак, который заходил за реку Сулу пешком, нося котел на плечах.

¹ Считаем повтому маловероятной гипотезу Л. В. Черепнина о том, что составителем летописца Даниила Галицкого был книжник холмского епископа (Исторические записки, № 12, 1941, стр. 233).

² Акад. А. С. Орлов. „Древняя русская литература XI—XVI вв.“. М., 1939, стр. 90.

³ Ипатьевск. лет., 1251 г.

⁴ Там же, 1201 г.

К фольклору, а также, отчасти, к византийской хронографии восходит в жизнеописании широкое пользование эпитетами: „борзый конь“ (1215, 1227 гг.), „величавый Филя“, „Филя гордый“, „Филя прегордый“ (1217 и другие годы), „острый мечю, борзый коню“, „светлое оружие“ и мн. др.

Книжные приемы автора жизнеописания сказываются в частом употреблении синтаксического оборота с дательным самостоятельным, в употреблении иностранных слов (рикс, кирелеш). Автор ссылается на „Омира“ (Гомера),¹ на хронограф, заимствует отдельные образы из хроники Малалы, из хроники Амартола, из Библии, из повести о разорении Иерусалима Иосифа Флавия, из Александрии. Как указал акад. А. С. Орлов, все эти произведения входили в состав большого компилятивного хронографа, которым, очевидно, и пользовался книжник-автор.²

Установленное акад. А. С. Орловым влияние компилятивного хронографа на галицкую летопись имеет важное принципиальное значение. Второй раз встречаемся мы с влиянием хронографа на русскую летопись. Это влияние ощущается каждый раз именно в княжеской летописи. Первый раз византийские хроники были привлечены для восполнения русского летописания, при Владимире Мономахе; второй раз византийские хроники оказывают влияние на стиль и на самый тип повествования при Данииле. Видим в этом стремление феодальной власти найти опору своему возрастающему влиянию в византийской культуре. В Галицкой Руси это влияние облегчалось при Данииле еще и тем, что Галиция имела общие с Византией границы по Дунаю и издавна находилась с нею в союзных отношениях. Сильные князья стремятся подражать византийским императорам и вводят у себя придворную хронографию, отчасти сходную с византийской.

¹ Ипатьевск. лет., 1233 г.

² Акад. А. С. Орлов. „К вопросу об Ипатьевской летописи“, Известия Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. XXXI, 1926, стр. 93 и след.

В Византии был распространен обычай, по которому император назначал при жизни своего историографа, в обязанность которого входило составить жизнеописание своего монарха. Император сам следил за работой историографа. Этот последний выполнял указание своего заказчика, пользовался его архивами, записывал многое с его слов и заканчивал свою работу уже после смерти императора.¹

Но влияние византийских хроник не ослабило глубокого художественного мастерства автора жизнеописания Даниила, поражающего нас до сих пор близостью своей фразеологии к Слову о полку Игореве.²

Жизнеописание Даниила Галицкого не сохранилось до нас в своем непосредственном виде. В разное время в него были сделаны различные вставки.³ Кроме того, уже сам по себе его автор использовал в своем произведении различные предшествовавшие ему литературные памятники.⁴ Неясен и конец этого произведения; повидимому, как это доказывает Л. В. Черепнин, его следует искать под 1256—1257 гг.; после чего в Ипатьевской летописи следует текст, уделявший внимание Даниилу лишь попутно.

¹ См.: М. Д. Приселков, „Летописание Западной Украины и Белоруссии“, Ученые записки Лен. Гос. университета, Серия истор. наук, вып. 7, Л., 1941.

² На близость стилистических элементов Галицкой летописи к Слову о полку Игореве неоднократно указывалось исследователями. Начальную часть Галицкой летописи Вс. Миллер считал даже просто отрывком из Слова о полку Игореве („Взгляд на Слово о полку Игореве“, стр. 141—142). Заново поставлен этот вопрос в упомянутом исследовании Л. В. Черепнина (стр. 236 и след.).

³ Эти вставки, в целом незначительные, восходят, повидимому, к составителю Ипатьевского списка (главным образом, датировки) и к составителю общерусского свода южной редакции начала XIV в.; в этом своде были привлечены некоторые известия какой-то северо-восточной летописи (см.: М. Д. Приселков, „История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 47 и др.).

⁴ Попытка определить эти памятники сделана Л. В. Черепниным в его исследовании (см. стр. 241 и след.).

Даниил умер в 1264 г. Следовательно, жизнеописание его составлялось при его жизни и, возможно, по его инициативе. Поводом к составлению жизнеописания Даниила могло быть получение им в 1255 г. от римского папы титула короля. Настойчивость, с какою восхваляется в жизнеописании Даниила его отец Роман, названный „царем“,¹ и могущество самого Даниила могло служить цели утверждения наследственной и законной силы титула „короля“. Инициатива Даниила в составлении своего жизнеописания понятна; необходимость идейного обоснования своих политических притязаний ясно сознавалась Даниилом. „О том, что Даниил действительно ставил перед собой задачу литературной полемики со своими политическими противниками, — пишет Л. В. Черепнин, — достаточно свидетельствует его расправа после взятия Перемышля в 1243—1244 гг. с певцом Митусом, не пожелавшим поставить свою лиру на службу княжеских интересов“.² „Словутьного певца Митусу, древле за гордость не восхотевшу³ служити князю Данилу, раздраного акы⁴ связаного проведоша“.⁵

Можно предполагать, что подобные же жизнеописания были составлены в Галицко-волынской Руси для Владимира Васильковича, Мстислава Даниловича и Льва Даниловича, но вряд ли княжеские жизнеописания существовали в Галицко-волынской Руси раньше XIII в.⁶ Во всяком случае летописание не сохранило нам никаких следов такого жизнеописания о князе Романе — отце Даниила, а между тем, можно предполагать, что

¹ Хвалы „великому“ Роману летописец расточает под 1201, 1204, 1250 (здесь он назван „царь в Руской земли“), 1251 и 1257 гг.

² Исторические записки, № 12, М., 1940, стр. 251.

³ Так в Хлебниковск. сп.; в Ипатьевск. сп. — „не восхотеста“.

⁴ Так в Хлебниковск. сп.; в Ипатьевск. сп. ошибочно: „икы“.

⁵ Ипатьевск. лет., 1241 г.

⁶ Соображения М. Д. Приселкова о существовании официальной историографии при дворе Владимира и Ярослава Осмомысла кажутся нам недостаточными (см.: М. Д. Приселков, „Летописание Западной Украины и Белоруссии“, Ученые записки Лен. Гос. университета, Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 14 и др.).

такое жизнеописание, если бы оно было, должно было бы оставить по себе следы в жизнеописании его сына Даниила.

2

К типу княжеских жизнеописаний, прямо связанных, в частности, с жизнеописанием Даниила Галицкого, относится и древнейшее житие Александра Невского.

Житие Александра давно привлекало внимание исследователей своею необычною для житий святых формою. По мнению С. М. Соловьева оно не относится к литературе житий святых.¹ В. О. Ключевский называл древнейшее житие Александра Невского „исключительным, своеобразным опытом жития, неповторившимся в агиобиографии“.² Н. Серебрянский предполагал в основе жития Александра особую светскую повесть о „мужестве“ Александра,³ но не мог указать ей аналогичных. Между тем, житие Александра в своем прототипе точно соответствует жанру княжеских жизнеописаний.

И биография Александра, и биография Даниила начинается с лирического вступления, посвященного их предкам, бывшей силе и славе Русской земли.

Вступление к жизнеописанию Даниила начинается с воспоминания о былом могуществе Русской земли при отце его Романе и „деде“ Романа — Владимире Мономахе. Мономах погубил „поганые Измаилтяны рекомые Половцы“ и изгнал их хана Отрока „во обезы за Железная врата“.⁴ Тем же прославлением начиналась и биография Александра.⁵ Так же как

¹ Сборник „В. О. Ключевский, биографический очерк, речи и пр.“, М., 1914, стр. 67 („Диспут г. Ключевского“).

² Там же, стр. 68.

³ Н. Серебрянский. „Древнерусские княжеские жития“, М., 1915, стр. 200 след.

⁴ Ипатьевск. лет., 1201 г.

⁵ Теперь, после открытия В. И. Малышевым нового списка жития Александра со Словом о погибели Русской земли в начале, подтверждается мысль о том, что последнее было своеобразным предисловием к житию (новый список жития Александра Невского публикуется в 5-м томе Трудов Отдела древней русской литературы).

и вступление к жизнеописанию Даниила, вступление к биографии Александра перечисляет пространства, покорные „деду“ Александра — Владимиру Мономаху. Главная заслуга Мономаха и тут, как и во вступлении к жизнеописанию Даниила — страх, который он нагнал на врагов Руси и в первую очередь на половцев. Владимиром „половцы дети своя ношаху [описка писца вм. „страшаху“] в колыбели, а Литва из болота на свет не выныкываху, а угры твердыху каменныя города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въсехал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем“.¹

От величественного прошлого оба вступления переходят к печальному настоящему: вступление к жизнеописанию Даниила говорит о великом мятеже, восставшем в Земле Русской, — вступление к жизнеописанию Александра напоминает о „болезни крестяном последних дней“.²

В дальнейшем и жизнеописание Даниила, и жизнеописание Александра в моменты наибольшей опасности для своих героев вспоминают их отцов. Так, например, описание пребывания Даниила в Орде сопровождается следующим лирическим восклицанием автора: „О злая честь Татарская! Его же отец бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все; сын того не прия чести, то иной кто может прияти?“³ Ср. в житии Александра перед рассказом о битве со шведами: „жалостно слышати, яко отец его Ярослав честный, великий, не бе ведал такового востания на сына своего милаго...“⁴

¹ Памятники древней письменности, LXXXIV, 1892, стр. 22.

² В этой „болезни“, как показал М. Н. Тихомиров, вероятнее всего видеть не только татарское нашествие, но и натиск немцев с Запада („Знамя“, 1939, кн. 3, стр. 229).

³ Ипатьевск. лет., 1250 г.

⁴ Еще ближе по мысли к жизнеописанию Даниила то место „особой“ (древнейшей) редакции жития Александра, где лирическое воспоминание о его отце связано с путешествием Александра к Батю (т. е. в той же связи, что и в жизнеописании Даниила: В. Мансикка. „Житие Александра Невского“, СПб., 1913, тексты, стр. 13).

Путешествие Даниила к Батью в Орду сопровождается сходными замечаниями жизнеописателей о славе Даниила и Александра: „Бысть же ведомо странам приход его всим ис татар“ (о Данииле);¹ „и бысть грозен приезд его. Проиде весть до усть Волги“ (об Александре).²

Послы папы пришли к Даниилу с благословением, королевским венцом и саном королевства „хотяще видети князя Данила“.³ Так же точно и в житии Александра „некто от⁴ западных страны“ приходил „хотя видети дивный возраст его“.

К сожалению, жизнеописание Даниила не было доведено до его смерти, поэтому мы лишены возможности сравнивать его композицию в целом с композицией жизнеописания Александра. Однако, мы можем предположить, что житие Александра заканчивалось в той же южно-русской манере. Дело в том, что к известным словам митрополита Кирилла об Александре: „Чада моя, разумеите, яко уже зайде солнце земли Суждальская“ могут быть приведены только две параллели — и обе из Ипатьевской летописи. Одно в описании смерти Мстислава под 1178 г. („уже бо солнце наше зайде...“) и другое в описании смерти Владимира Васильковича под 1288 г. (буквальное повторение тех же слов).

Между жизнеописанием Александра и жизнеописанием Даниила отчетливо устанавливается и стилистическое сходство, сходство в отдельных образах, в манере описывать битвы и т. д. и т. п. Так, например, в житии Александра для описания могущества князя дважды говорится о степных народах, что они „страшаху“ своих детей его именем.⁵ Единственная параллель к этим местам жития может быть указана только в жизнеописании Даниила, где об отце Даниила — Романе сказано „им же Половци дети страшаху“.⁶

¹ Ипатьевск. лет., 1250 г.

² В. Мансикка, стр. 7.

³ Ипатьевск. лет., 1254 г.

⁴ В. Мансикка, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Ипатьевск. лет., 1251 г.

Только в жизнеописании Даниила находится и близкая параллель к встрече Александра псковичами после победы: „и сretoша его со кресты игумене и попове в ризах, народ мног пред градом, подавающе хвалу Богови, поюще песнь и славу государю, великому князю Александру Ярославичу“.¹ Встречи победителя ликующим народом не редкость в летописях,² но только в жизнеописании Даниила как и в житии Александра победителю при встрече поют славу: „и песнь славу пояху има“.³

Среди многих параллелей, которые могут быть приведены к житию Александра в жизнеописании Даниила,⁴ остановимся еще на тех, которые касаются описаний битв. Движение шведского короля против Александра „в силе тяжце“ с похвальбой попленив всю землю Александра напоминает выступление в поход венгерского короля Белы против Даниила „в силе тяжце, рекшу ему: «яко не имать остатися град Галичь, несть кто избавляя и от руку моею»“.⁵

Александр, прежде чем выйти против шведов, отправляется к Софии, молится там, а затем устремляется на врагов „в мале дружине“.⁶ Также точно поступает и Даниил перед битвой с венграми: „помолившу же ся ему [богу] и свтцей пречистой Богородици, Михаилу архангелу Божию, устремися изыти со малом ратник“.⁷

¹ В. Мансикка, стр. 6—7.

² Лаврентьевск. лет., 6654 г.; Ипатьевск. лет., 6611, 6620, 6654, 6659 гг.

³ Ипатьевск. лет., 1251 г.

⁴ Об этом подробнее в моей статье „Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского“, Труды Отдела древней русской литературы, т. V (печатается).

⁵ Ипатьевск. лет., 1229 г.

⁶ В. Мансикка, стр. 2.

⁷ Ипатьевск. лет., 1231 г. Ср. еще: „Данилови же в мале дружине“ (Ипатьевск. лет., 1219 г.).

Александр „скоро поеха“ навстречу врагам, „ускори князь велики пойти“;¹ также и Даниил „ускори снити на не“.²

Сама битва Даниила с венграми (1231 г.) описана с тою же подробностью, что и битва Александра со шведами. В битве с венграми описываются подвиги храбрых и подвиг самого Даниила; в битве с шведами — также подвиги храбрых и подвиг самого Александра. Биограф Даниила подчеркивает незначительность потерь в войске Даниила и перечисляет по именам главных убитых. Также поступает и биограф Александра (см. редакцию жития в Софийской первой летописи).

Чрезвычайно существенно, что на житие Александра оказал влияние компилятивный хронограф, аналогичный тому, который отразился и в жизнеописании Даниила. В его состав входила Александрия, повесть о разорении Иерусалима Иосифа Флавия, повесть о Троянском пленении (влияние всех этих произведений твердо установлено) и Никифоров летописец, отражение которого имеется в ответе Александра, и ошибка которого в определении лет царствования византийского императора Мануила привела к тому, что во вступлении к житию Александра Мануил оказался современником Мономаха. Кроме компилятивного хронографа, на житие Александра оказала влияние та самая повесть о Девгении пограничнике, знакомство с которой имелось и у галицкого книжника.

Однако между жизнеописанием Даниила и житием Александра имеется и весьма существенное различие. Жизнеописание Даниила подробнее, оно было составлено очевидцами всего жизненного пути Даниила до 50-х годов XIII в. и осталось не законченным. Житие Александра несравненно короче, оно закончено очевидцем, „самовидцем“ его „возраста“, но все его начало до 50-х годов XIII в. воспроизведено по рассказам самого Александра или его современников. Как увидим ниже,

¹ В. Мансика, стр. 3.

² Ипатьевск. лет. 1231 г. Ср. также под 1234 г.: „Даниил же... скоро собрав полкы поиде“; под 1249 г. — Даниил и Василько „скоро собравше вой поидоста“ (на Литву).

именно это различие теснее и конкретнее всего связывает жизнеописание Даниила с житием Александра Невского.

Чем же объяснить такую близкую связь жития Александра и жизнеописания Даниила? Возможные пути книжных связей Галича и северо-восточной Руси в начале второй половины XIII в. могут быть прослежены довольно точно. Звеном, соединявшим Галицкую Русь и Владимирско-суздальскую был митрополит Кирилл II,¹ переехавший как-раз в 1250 г. с юга от Даниила к Александру Невскому.

Кирилл II, как известно, был на митрополичьей кафедре ставленником Даниила Галицкого. Близость Кирилла к Даниилу возникла, повидимому, задолго до его поставления в митрополиты. Кирилл был первоначально „печатником“, т. е. канцлером Даниила. „Печатниками“ или канцлерами в Византии обычно бывали духовные лица. „Печатник“ Кирилл также лицо духовное. Это можно заметить по разным косвенным признакам, но это не мешало ему выполнять и чисто военные поручения Даниила. В 1241 г. Даниил послал Кирилла в Бакоту „исписати грабительство нечестивых бояр“.² Как доказывает Л. В. Черепнин, выполненный Кириллом литературный отчет о боярской крамоле и о борьбе Даниила с Польшей и Венгрией составляет основное содержание жизнеописания Даниила почти за два десятилетия.³

Кириллу неоднократно приходилось выполнять сложные дипломатические поручения Даниила еще прежде своего поставления в митрополиты. В 1250 г. Кирилл отправился на посвящение в Никею.⁴ Проездом через Венгрию он вел переговоры

¹ Следует иметь в виду, что митрополит Кирилл II в литературе называется иногда также митрополитом Кириллом III.

² Ипатьевск. лет., 1241 г.

³ Начиная с 20-х годов XIII в. См.: Л. В. Черепнин. „Летописец Даниила Галицкого“, Исторические записки, № 12, стр. 245—246.

⁴ О поставлении Кирилла см. Ипатьевск. и Лаврентьевск. лет. под 1250 г.; Е. Голубинский. „История русской церкви“, т. II, вып. I, М., 1900, стр. 53—55; Ф. Терновский. „Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси“, вып. II, Киев, 1876, стр. 12 и др.

с венгерским королем Белой IV о женитьбе сына Даниила — Льва на дочери Белы, что было связано с рядом важных государственных вопросов.

Не будем вдаваться в подробности отношений Кирилла и Даниила. Как известно, они были очень тесными, и поставление Кирилла на пустовавшую митрополичью кафедру входило в планы Даниила распространить свое влияние и на Киев. Тем более странным кажется то обстоятельство, что Кирилл вскоре после своего поставления навсегда покидает Даниила и переезжает на северо-восток, к Александру Невскому. Поездка Кирилла совершается с согласия Даниила, так как он взял с собой дочь Даниила — невесту брата Александра — Андрея Ярославича.¹ Однако вряд ли в планы Даниила могло входить перемещение навсегда митрополичьего двора на север. Очевидно, что митрополит Кирилл не вернулся к Даниилу, так как разошелся с ним в каких-то существенных вопросах.

В самом деле, после отъезда Кирилла ведутся попытки создания союза папы и Даниила, — союза, который не мог встретить и не встречал сочувствия в русском духовенстве. В середине сороковых годов XIII в., в период вакантности митрополичьей кафедры, между Даниилом и папой велись переговоры. В частности, посольство Иннокентия IV в Монголию вело переговоры об унии с Васильком, а на обратном пути с Даниилом. Эти переговоры не были успешными.² Однако, в 1252 г. в отсутствие Кирилла переговоры Даниила с Римом о союзе и о королевском венце возобновились. Даниил согла-

¹ В последнее время был высказан взгляд, что Кирилл отправился к Александру Невскому в качестве посланца Даниила. Возможно, конечно, что у Кирилла были дипломатические поручения, но чем объяснить, что Кирилл остался на севере и не вернулся к Даниилу? См.: А. Югов, „Даниил Галицкий и Александр Невский“, Вопросы истории, 1945, № 3—4. В статье много неточностей (например, известия 1228 и 1230 гг., приведенные на стр. 103 статьи, относятся не к митрополиту Кириллу II, а к Кириллу I и т. п.).

² Отсылаю за подробностями к обстоятельной работе Н. Дашкевича: „Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством“, Киевские университетские известия, 1884, № 8.

сился принять от папы королевский титул на условиях помощи папы против татар. В 1253 г.¹ произошла коронация Даниила,² совпавшая с усиленной пропагандой папой крестового похода против татар. Грамоты папы были получены в Богемии, в Моравии, в Сербии, в Померании. Грамоту папы, очевидно, получил и Александр Невский — ту самую, отрицательный ответ на которую так подчеркнут в его житии. Кирилл находился в это время у Александра Невского. Естественно, что он навсегда порвал с Даниилом, связав свою дальнейшую судьбу с Александром Невским. С ним он был в тесных дружественных отношениях. Его он сопровождал в поездках в Новгород. Его он ставил на великое княжение во Владимире.³ Тело его он встретил и отпел во Владимире в 1262 г. Наконец, его, Александра, назвал он „солнцем земли Суздальской“, выразив тем самым высшую меру своей любви к нему.

На северо-востоке Кирилл не оставит своих литературных трудов. Как предполагал М. Д. Приселков,⁴ по его инициативе ведется в Переяславле Залесском митрополичье летописание. Во всяком случае, Лаврентьевская летопись за 70-е годы сохраняет многочисленные признаки близости летописца к митрополиту. Между прочим, в 1274 г. во Владимире митрополит Кирилл созвал церковный собор, на котором обсуждались различные недостатки тогдашней церковной жизни. Результатом этого собора явилось известное „Правило Кирилла, митрополита русского“, дошедшее до нас, очевидно, лишь частично. Во вступлении к „Правилу“ дана превосходная картина поло-

¹ М. Грушевский. „Хронологія подій Галицько-волинської літописи (Записки Наукового товариства імени Шевченка, т. ХІІ, кн. ІІІ, Львов, 1901), стр. 36—37.

² „Он же венець от Бога прия, от церкви св. апостол и от стола св. Петра, и от отца своего папы Некенгия“ (Ипатьевск. лет., 1255 г.).

³ „И посади его [Александра] преосвященный Кирил митрополит на великом княжении в Владимире на столе отца его“ (Никоновск. лет., 1252 г.).

⁴ М. Д. Приселков. „История русского летописания XI—XV вв.“, Л., 1940, стр. 104.

жения Руси после нашествия Батыя: „Не расея ли ны Бог по лицу всея земля? — говорит Кирилл, — не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи острием меча? не поведени ли быша в плен чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?“¹

Кирилл явился к Александру Невскому не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, немало. Естественно, что многие из них спасались от угрозы унии, переезжая на северо-восток Руси под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были, очевидно, и люди книжные.² Знаменательно, что с середины 50-х годов XIII в. официальное галицкое летописание явно хиреет.³

Именно в это время в Переяславле Залесском каким-то южным книжником был составлен сборник, в котором были соединены компилятивный хронограф (тот самый, который отразился и в житии Александра Невского и в жизнеописании Даниила — с „Александрией“ и повестью о взятии Иерусалима) и переяславская летопись („Летописец русских царей“).⁴

Вне всякого сомнения Кирилл имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но вернее всего он заказал житие одному из проживавших на севере галицких книжников. Во всяком случае, в псковско-печерской редакции жития Александра, — одной из самых

¹ Русская историческая библиотека, т. VI, стр. 83.

² Переезд этот совершался не только в 50-х годах XIII в., но и значительно позже. Так, под 1274 г. в Симеоновской летописи записано, что Серрапион (Серрапион Владимирский) был поставлен епископом „Ростову, Владимиру и Новгороду“.

³ Л. В. Черепнин считает, что упадок галицкого летописания начинается с 1256—1257 гг. (Исторические записки, № 12, стр. 244).

⁴ Сборник этот частично сохранился в списке XV в. (Архив б. Министерства иностр. дел, № 902—1468, тепер № 279—658). Летописец издан в 1851 г. М. Оболенским, хронограф под названием „Иудейского“ исследован В. М. Истриным („Александрия русских хронографов“, М., 1893, стр. 317—371).

важных для определения его первоначального вида, — прямо говорится: „се же бысть проповедано всем от Кюрила митрополита святителя и от иконома его Савестиана“.¹

Тем самым объясняются многие особенности жития Александра Невского. Оно несет в себе западно-русскую, галицкую литературную традицию, так как из Галича был ее автор. Оно близко по форме к жизнеописанию Даниила, так как именно это жизнеописание было ближе всего знакомо самому Кириллу, когда-то вложившему и свой труд в его составление. Оно носит по преимуществу светский характер, так как следовало светским образцам. Оно написано не очевидцем подвигов Александра, так как автор его приехал на северо-восток после 1250 г. В нем многое написано со слов самого Александра — и это понятно, так как сам митрополит Кирилл и его двор были близки к Александру. Вот почему и враги Александра — шведы — называются в житии не по национальному, а по вероисповедному признаку — римлянами. В своем ответе римскому папе Александр пользуется советом своих „мудрецов“, т. е. несомненно тех же вновь переехавших из Галичины книжников, использовавших в ответе папе главный источник своей литературной учености — хронограф.²

Житие Александра, или „Повесть о мужестве“ Александра, как предлагают называть его некоторые исследователи,³ было использовано в летописи тотчас же после написания в качестве основного исторического повествования для лет его княжения, и в этом отношении разделив судьбу жизнеописания Даниила. Однако по пути таких жизнеописаний северо-восточное летописание не пошло. Княжеские жизнеописания остались типичным явлением юго-западного летописания XIII в.

¹ Н. Серебрянский. „Древне-русские княжеские жития“, М., 1915, стр. 120 (тексты).

² Книжники и писатели постоянно называются в хронографе (см. хронику Малалы) „мудрецами“ и „премудрыми“ (ср. также Ипатьевскую летопись под 1205 г. — „премудрый Тимофей“).

³ Н. Серебрянский, ук. соч., стр. 200 и след.